

«Незванный гость хуже татарина» (народная поговорка)

К началу сентября уборочная компания подошла к своему завершению. Рота Зуева оказалась первой по вывозу зерна и сдачей его на элеватор. Остальные роты тоже далеко не отстали от выполнения планов. Но вот беда: остальные выполняли план по отработке тонно-километров, а Зуеву считали только в тоннах, т. к. элеватор был рядом. Зуев иногда задумывался над дикостью планирования, т. к. считал, что стране нужны не тонно-километры, а фактически засыпанные тонны зерна в закрома Родины. А его комбат упивался тонно-километрами и был на хорошем счету у начальника нашей опергруппы, а Зуев со своими тоннами сданного хлеба был замыкающим. Вот так-то и считали «мудрецы» и оценивали целинников по разному: кому — хлеб, а кому-то тонно-километры.

Зуев продолжал встречаться с женой Беказарова и все чаще замечал у нее заплаканными глаза.

— Что с тобой, Фая? — спрашивал он, целуя ее в эти горемычные глаза, которые, казалось, молили остаться с ней здесь навсегда.

— Ты уедешь и забудешь меня, мой дорогой морячок. Ты же не останешься здесь?

— То, что уеду, это обязательно. Мы же люди военные, а то, что забуду тебя, то вряд ли. Такие женщины не забываются... Но у меня есть жена и тоже двое детей, я их бросить не могу. Да и ты своих — тоже. Не так ли?

— Это так, милый, но все же я тебя без памяти люблю... Не знаю, как я теперь буду жить без тебя...

На очередной планерке Беказаров отметил отличные показатели роты и пообещал ходатайствовать перед начальством Зуева о представлении его к награде орденом. Но, получив это представление, командир батальона подполковник Березняк всполошился:

— Как?! Зуеву орден?! Это выше полученной разнарядки. Нам на батальон выделили только пять орденов. Четыре — комротам, и один — нашему штабу...

— Правильно! Но у нас пять рот. Правда, у Зуева было «ЧП». Чуть матрос не погиб под машиной, но следствие Зуева оправдало...

— Зато я не оправдываю! Ему просто повезло, что его не сняли с должности! — гремел комбат, рассчитывая сам получить еще один орден.

— Ну, а что же Зуеву? — не сдавался замполит батальона.

— Медалью перебьется. Первый раз на целине и сразу орден?!

— Хорошо! Уговорил! Но и его замполиту медальку выдадим. Чтобы ему не обидно было... Таныгин тоже ее заработал...

Но тем и таинственно хороша военная служба, что она полна неожиданностями. На следующий день, едва открыв дверь в свой штаб, Зуев был остановлен дежурным.

— Товарищ капитан третьего ранга! К нам едет генерал, — едва выговорил он, чуть не подавившись собственной слюной. Зуев взял книгу телефонограмм и прочитал:

«Командиру 4-ой роты. 10-го сентября с 10—00 до 16—00 ожидайте прибытия в вашу роту начальника АБТС флота генерал-майора Лемушок. О прибытии генерала доложить немедленно. Командир батальона подполковник Березняк». Зуев прочитал, задумался и написал ниже текста телефонограммы. «Немедленно сообщить по взводам. Готовность к

встрече генерала доложить лично мне. Командир 4-ой роты капитан 3-го ранга Зуев». И тут, как в Гоголевском «Ревизоре», все закрутилось в роте и куда-то поехало. Раздались звонки взводных о том, что будет проверять генерал? Дежурный хрипел в ответ в трубку: «Все! Начиная с порядка в кубриках до автопарка». Зуев тут же позвонил Беказарову и сообщил об этой новости. В ответ услышал: «Зайди!».

Войдя в кабинет директора совхоза, Зуев увидел, как Беказаров тихо говорил в трубку; «Да! Да! Генерал. Срочно побелить камушки на дорожках к каждому дому от центральной дороги. Убрать с дороги всех, вплоть до гусей, накрыть стол на двадцать персон в столовой дома культуры, подобрать самых красивых баб человек пять, оркестру быть готовым к встрече самым веселым маршем», а тебе, моя милая, — повернулся он к жене, сидящей перед ним на другом краю стола: «Вывести на площадь перед памятником жертвам войны всех своих ребят, с красными галстуками, цветами и изобразить ликующую толпу встречающих. Ну, а тебе, дорогой, — посмотрел он на вошедшего Зуева, — одеть свой четвертый взвод во все новое и быть готовым пройти мимо трибуны с генералом под звуки торжественного марша во главе с тобой, замполитом и командиром взвода. Задача всем ясна? Тогда, вперед, по коням! — засиял директор и всем указал на дверь...

Зуев шел в свой штаб и дивился такой оперативности директора, который получил известие о прибытии генерала за час до того, как об этом узнал Зуев. «Мда! Если бы у нас на флоте так четко ставили задачи, как этот директор, то имеемого бардака никогда бы не было» — думал он, поняв, что он влюблен в манеру командования людьми своего директора совхоза. И жизнь завертелась колесом в совхозе вокруг одной фразы: «К нам едет генерал...»,

К полудню первый наблюдатель с центральной трассы доложил, что белая «Волга» только что свернула с центральной трассы на совхозную дорогу. За ней еще ехало три машины с районным начальством.

— Тэкс! Пора встречать незваного гостя, — сказал Беказаров и дал команду выводить встречающих на площадь. Генерал Лемушок, сидел в машине и улыбался. Ему не верилось, что эти люди, стоящие в полисадниках своих домов, машущие платками, встречают именно его, а когда перед самой площадью к его машине подошла делегация с хлебом и солью и парторг протянул поднос генералу, то тот чуть не заплакал от такого умиления. Директор крепко пожал руку гостю и предложил подняться на трибуну. Под ней стоял четвертый взвод в форме морских пехотинцев во главе с командованием роты. Над ними реял военно-морской флаг.

— Добре! Добре! Руслан Комбулатович! Я рад, что вы так тепло меня встречаете, — жал он руку директора, едва не смахнув с глаз выступившие слезинки.

— После пламенных речей парторга, директора совхоза и генерала, «войско» отбивало шаг под звуки торжественного марша, проходя мимо трибуны. За ним двинулась ликующая толпа школьников и сам оркестр.

— А теперь, дорогой гость, разрешите вас пригласить к столу и отведать наши скромные национальные блюда, — сказал Беказаров, беря генерала под руку и направляясь к Дому культуры».

За столом сидели гости из партийного руководства района, ротное начальство, отдельные лица из руководства совхоза и Беказаров вместе с генералом. Обилие выпивки и блюд поразило генерала. Он сразу оценил истинное гостеприимство директора и только говорил: «Добре!, Добре! — поглядывая на красавиц-официанток, приносящих последние кушанья к

стола. Затем посыпались тосты и поздравления. Беказаров не торопился, уступая дорогу комсомолу и партии высказать свою любовь к армии и флоту, очень тепло выступила директор школы, заверив генерала в том, что армию и флот пополнит новое поколение замечательных школьников, ее учеников, которые встанут на защиту нашей советской Родины.

Было заметно, что с каждой рюмкой генерал все более хмелел. Его ответные слова становились все менее понятными, и вскоре он передал их командиру роты, шепча на ухо Беказарову, что восхищен выступлением директрисы.

— Она не только говорить умеет, — засмеялся тот в ответ...

— А что еще?! — не отставал подвыпивший генерал...

— Она отличная банщица. Самому Кунаеву спинку натирала...

— А мне, натрет?

— Конечно. Нет вопроса...

— А когда?

— Сегодня, конечно, после застолья...

Генерал вдруг перестал пить и поручил своему заместителю подполковнику Муратову вести диалог от имени флота, а сам не отрывая глаз, пожирал взглядом неотразимую грудь в глубоком декольте модного платья директора школы. Зуев тут же заметил необычную любознательность генерала, то и дело бросая в его сторону недовольные взгляды, но ничего поделать не мог, так как тот уже вошел в роль неотразимого любовника, полагая, что генеральские погоны и лампасы на брюках сыграют свою обычно не отразимую роль. Едва закончился этот торжественный ужин, как генерал тут же слинял с директором школы, как ему казалось, в неизвестном направлении. В предбаннике его встретила ослепительной красоты девица лет двадцати в белом халате на абсолютно голое тело, которая представилась медсестрой из совхозной больницы. Она приняла шатающегося человека из рук директрисы и усадила его на топчан, приговаривая:

— А теперь, товарищ генерал, измерим ваше давление, прежде чем допустить вас в сауну.

— А где директриса? — генерал пьяным взглядом шарил по предбаннику.

— А волшебная фея вам не подойдет? — девица фамильярно уселась на колено генерала, обнимая его за шею...

— Не... лучше директриса...

— Она жена директора совхоза. А он горец и очень ревнивый... И вообще, генералу ни к чему иметь приключения по этой части, — усмехнулась она, откинув полу халата. Между ее ног маячил темный треугольник самого интимного места. Генерал глянул и обалдел...

— Помоги снять брюки! — прохрипел он на ухо девицы, крепко обнимая ее за шею...

— Ой! Отпустите меня... Задушите! — взмолилась та...

— Ты как больше любишь? Сверху или снизу? — улыбнулся он, снимая с нее халат...

— Сзади...

— О-о-о! А ты умная девочка... Я тоже люблю этот способ, — сказал он и согнул ее в пояс. Она успела снять с него брюки и трусы, оставив в одной майке. Изобразив букву «Г», девица уперлась руками в лежак и ударила себя правой рукой по розовой ягодице...

— Поехали! — почти крикнула она, но генерал никак не мог ей вставить. Он пытался разбудить своего «Молодца», но тот никак не хотел освободиться от крепкого сна. После тщетных усилий, девица затащила его в парилку, выкупала и отмыла от пыли все его тело и,

уложив генерала на заднее сидение «Волги» вместе со своей напарницей отвезли это старческое тело в лучший номер гостиницы и уложили его в двухспальную кровать.

— Трахаться хочу! — сонно ворчал генерал, но девицам это было не впервой. Подобная ситуация им была до боли знакомой, так как в круг обязанностей этих медсестер была баня и отдых после нее. Уложив пьяного генерала, они тихо постучали в соседний номер, дверь которого открыл заместитель генерала по технической части в круг обязанностей которого входило не только техническое состояние автомашин, но и физическое состояние его начальника, замещая генерала на постельном фронте, с которым он успешно справлялся, так как никогда не пил спиртное, за что и был определен к нему заместителем. Тот, не раздумывая долго, уложил девочек на кровать, драг их поочередно, пока ему не надоело, затем организовал постельные игры с минетами и куни. Особенно ему нравились девичьи попы, куда его нетерпеливый и страстный член проникал быстро и работал с великим удовольствием, заставляя девочек потом слизывать с его члена все то, на что он наткнулся в их брэнном теле. Девочки, хлебнувшие у него солидную порцию коньячку, охмелевшие и окосевшие, шли на все под веселые смешки подполковника. Они потом расхваливали сексуальные прелести офицера, которыми делились девочки со своими подружками в больнице, вызывая у них тихую зависть. И надо отметить, что за время поездок по частям на целине от этого мужлана беременных потом насчитывалось не менее двадцати женщин, которых награждал этим этот бравый, но культурный и корректный тихоня офицер. Замечательным было то, что он никогда не интересовался возрастом женщины, беря за главное отдаться ему безоговорочно, быстро и с желанием. А он желал этого всегда при любых, даже самих неудобных условиях, с одной задачей: как бы побольше оплодотворить этих всегда желающих секса дам. Короче, был бы он быком, то наверняка был зачислен в штат совхозного бугая-производителя.

На следующее утро, выкупанный девчатами генерал, был бодр и весел. Он шаловливо их щипал за упругие попки, намекая на вечернюю встречу, но ему уже позвонили, что ждут в опергруппе округа. Куда он и умотал, оставив за себя своего заместителя по технической части. Тот проверил техническое состояние машин и признал их исправными и готовыми к перегону на товарную станцию, к погрузке для убытия на флот, с получением команды. Вечерами он запирался в своем номере с очередной партией девиц, которым объяснял высокую роль мужчин по увеличению деторождаемости в Казахстане. Как-то он пригласил и директора школы, которую тут же завалил на постель, протянув руку к трусикам. Фаина не ожидала такой прыти, но вставляя влажный член трясущимися руками в свое сокровище, оградила увесистой пощечиной так, что офицер оказался на полу.

— Мы так не договаривались! — гордо заявила она, встав с кровати и одергивая платье.

— А разве петух договаривается об этом с курицей? — засуетился зампотех.

— Вы не петух, а я не курица! — гордо ответила Фаина и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Эту сцену засекала дежурная по гостинице и тут же позвонила Беказарову. Тот что-то промычал в ответ, из чего она поняла, что после окончания работы он ждет ее в своем кабинете.

— Тая? Ты что-то хочешь мне сказать? — посмотрел он прямо в открытые слегка испуганные глаза девушки.

— Я хочу... , — начала было она, но глянув на его насуспенное лицо, вдруг растерялась...

— Это хорошо, что ты хочешь, но у нас не более тридцати минут. Ложись грудью на подоконник...

— Как скажете, Руслан Комбулатович, — ответила она, сняв трусики и прильнув всей грудью к подоконнику.

Руслан очень любил секс без предварительных приготовлений. Ему очень нравилось этак, без уговоров и сопротивления, просто уложить женщину на что попало и тут же оттрахать, так как в такие моменты азарта ему казалось, что хищник не должен умолять свою жертву ненужными разговорами, а просто брать ее и трахать...

Смутившаяся Тая уже не впервые занималась с патроном этим сладким делом, но никак не могла забеременеть, а она так мечтала родить джигита, похожего на Руслана. Директор тоже иногда заваливался к ней в гостиницу, но не всегда занимался с ней этим делом, будучи уже не трезвым, но ребенка ей обещал, и вот сегодня снова выполнил свое обещание. Дома Тая долго не могла заснуть, перебирая в памяти весь этот быстрый процесс с Русланом, и пришла к выводу, что процесс удачный, что вскорости подтвердила ее знакомая врачиха в их больнице, которая сама в прошлом году родила замечательного пацана очень похожего на Руслана...

Казалось, что сорокалетний Руслан никого не любит и шляется по бабам только ради развлечений. А ведь никто не знал, что в степи на далеком стойбище огромной отары овец есть казах (чабан) — герой социалистического труда, а у него красавица дочь двадцатилетняя казашка с черными как угольки глазами и необыкновенно красивым лицом, которое можно встретить только в Казахстане. Чабан очень любил свою Гулию, напоминающую ему его жену, так рано ушедшую из жизни. Он долго тосковал по жене, поэтому и ушел в пастухи, чтобы никто не видел его горя. Подростая дочь без памяти влюбилась в Руслана Беказарова, когда впервые увидела его. Ей тогда было только десять лет. Она ничего не сказала отцу, и он узнал об этом, когда как-то ночью, во сне, девочка назвала его имя. Время шло, но не находя ответа на свои чувства девушка начала блекнуть и увядать, как дерево, которое просит воды, но желанный дождь так и не наступил. Руслан чувствовал, что сам растворяется в ее глазах, но не давал повода для ухаживания, видя эту огромную разницу в их возрасте. Отец долго думал и, наконец, решил: он разрешил влюбленным встречаться не более раза в неделю, а когда дочери исполнилось восемнадцать он разрешил им жить как мужа с женой без официальной регистрации брака.

Он сказал тогда «Руслан. У тебя есть замечательная жена, и я не имею права рушить твой жизненный уклад, но у меня на глазах тает единственное мое сокровище — моя дочь. Можешь жить с ней, как с женой, но не чаще одного раза в неделю». Вот и мотался Руслан в дальнюю степь к своей Гулее, которую любил без памяти. У прекрасной девушки был необыкновенный сексуальный дар. Она могла заниматься сексом, не двигаясь телом. Ее орган был поистине волшебным. Едва Руслан погружал в него свой член, как ее сокровище, обволакивая его, начинало медленно сокращаться и выправляться. Движения были очень медленными, но если хотелось обоим насладиться быстро и досыта, то молодая женщина могла убыстрить эти движения, что выматывало мужчину, заставляя его тут же разрядиться. Откуда этот дар у девушки отец не знал, но понимал, что такое чудо вряд ли у кого есть еще. Вот и сегодня, после вчерашней встречи с генералом, Руслан мчался на своей «Волге» к любимой женщине, предварительно сбросив сперму в лоно симпатичной Таи. Он пока не хотел и от своей внебрачной жены ребенка, боясь, что померкнет ее необыкновенная красота,

и это волшебное чудо между ее ногами...
Эдуард Зайцев.